

При проведении перевыборной кампании на территории Ставрополя можно отметить следующие проблемы. Так, например, в информационном отчете Московской районной избирательной комиссии по проведению кампании перевыборов Советов отмечались: слабый учет активности населения, чрезмерная крупность избирательных участков, вследствие чего не были введены в помещения все избиратели, дальность расстояния избирательного пункта от места проживания избирателей, недостаточно полный учет избирателей. Имели место случаи, когда избирателям не были вручены повестки, или вообще они выписывались на недостижных совершеннолетия. Зачастую не указывалось точно время собрания, повестка перегружалась другими вопросами, что вызывало переутомление и отсюда преждевременный уход с собрания части избирателей [14].

В целом, выборы 1925 года отличались следующими особенностями: резко сократилось в селах влияние коммунистов и комсомольцев, рабочих и служащих, бывших иногородних; напротив, победу одержали беспартийные, середняки и зажиточные хлеборобы.

Литература

1. ГАСК. ФР. 299. ОП. 2. Д. 41. Л. 35.
2. ГАСК. ФР. 299. ОП. 2. Д. 41. Л. 35.
3. ГАСК. ФР. 299. ОП. 2. Д. 41. Л. 6.
4. Тихомиров В. И., Тяжелникова В. С., Юшин И. Ф. Лишение избирательных прав в Москве в 1920–1930-е годы. М., 1998. С. 25.
5. ГАСК. ФР. 299. ОП. 2. Д. 83. Л. 113.
6. ГАСК. ФР. 299. ОП. 2. Д. 41. Л. 284.
7. ГАСК. ФР. 299. ОП. 2. Д. 41. Л. 284.
8. ГАСК. ФР. 299. ОП. 2. Д. 41. Л. 284.
9. ГАСК. ФР. 299. ОП. 2. Д. 41. Л. 101.
10. ГАСК. ФР. 299. ОП. 2. Д. 41. Л. 11.
11. ГАСК. ФР. 299. ОП. 1. Д. 1454. Л. 7.
12. ГАСК. ФР. 299. ОП. 1. Д. 802. Л. 82.
13. ГАСК. ФР. 299. ОП. 1. Д. 599. Л. 23.
14. ГАСК. ФР. 299. ОП. 1. Д. 607. Л. 609.

УДК 94 (470)

Крючков Игорь Владимирович

«ЧЕШСКИЙ ВОПРОС» НА СТРАНИЦАХ АЛЬМАНАХА «РУССКАЯ МЫСЛЬ» В КОНЦЕ XIX НАЧАЛЕ XX вв.

Рассматривается отношение ведущего либерального издания России альманаха «Русская мысль» к особенностям развития национального возрождения чехов на рубеже XIX–XX веков.

Ключевые слова: чехи, Богемия, нация, периодика, славянский вопрос, образование.

Kryuchkov Igor Vladimirovich

“THE CZECH QUESTION” ON THE PAGES OF THE ALMANAC “RUSSKAYA MYSL” AT THE END OF THE XIX-th – THE BEGINNING OF THE XX-th CENTURIES

The attitude of the leading Russian almanac “Russkaya mysl” towards the features of development of national revival is considered in this article.

Key words: The Czechs, Bohemia, nation, periodicals, the Slavs, education.

Альманах «Русская мысль» по праву принадлежал к числу лидеров российской журналистики конца XIX – начала XX вв. В отличие от большинства изданий такого рода альманах издавался в Москве с 1880 по 1918 гг. В 1880–1885 гг. главным редактором альманаха был С. А. Юрьев, не скрывавший свой славянофильский романтизм, что не могло не сказаться на содержании материалов, публикуемых в альманахе. После смерти С. А. Юрьева главным редактором стал В. А. Гольцев, и альманах медленно

перешел на либеральные позиции. Этот процесс завершился после 1906 г., когда главным редактором альманаха стал известный российский либерал, ученый и общественный деятель П. Б. Струве.

Чешская тематика на страницах издания находила скромное отражение, уступая сообщениям из ведущих стран Европы (Германия, Франция, Великобритания). Австро-венгерский блок в основном затрагивал различные аспекты межнациональной борьбы, в том числе чешско-немецкие противоречия в Богемии. И, тем не менее, альманах опубликовал ряд интересных материалов, исследующих особенности национального развития чешского народа, его культуры. Ряд авторов по национальному происхождению являлись чехами, что придавало весомость этих публикациям в глазах российского читателя.

Французы и русские о чехах

В 1893 г. альманах «Русская мысль» обратился к проблеме восприятия чехов в российской и французской периодике. По мнению издания, за рубежом чехам не справедливо уделяли мало внимания. В России ситуация была не лучше. В июле 1908 г. А. Стахович в составе российской делегации посещает Прагу, где состоялся «Славянский съезд». Перед отъездом в Прагу А. Стахович занялся изучением состояния славянского движения в России и славяноведения как научного направления. К его великому изумлению, он обнаружил, что к 1908 г. славянское движение в России находилось в глубоком кризисе. Большинство славянофильских организаций прекратило или влачило жалкое существование. Желая изучить историю и современность славянских народов Австро-Венгрии, А. Стахович обратился с просьбой к П. Н. Милюкову, чтобы тот порекомендовал необходимую ему литературу. П. Н. Милюков дал список из шести книг на французском, одной на польском и только одной на русском языке. Это, на взгляд А. Стаховича, свидетельствовало о плохом развитии славяноведения в России [10, с. 131].

В России чехи рассматривались правящей элитой и консервативными кругами как националисты и радикалы, которые шумными политическими акциями стремятся актуализировать чешский вопрос в империи Габсбургов. Правящие круги России к этому относились весьма осторожно, ибо «плохой пример» мог привести к аналогичным проявлениям борьбы национальных меньшинств в самой империи Романовых. Российские консерваторы не могли простить чехам «предательства» заветов Кирилла и Мефодия после принятия католицизма. Альманах обвинял российскую элиту в неискренности по отношению к чехам, которые относились к России «всей душой»: «...взамен они получают из Москвы и Санкт-Петербурга в большинстве случаев замечания довольно неприятного свойства» [6, с. 130]. Эти рассуждения находились в контексте дискуссии между российскими либералами и консерваторами о сущности славянского вопроса и его значимости для исторических судеб России.

В отличие от России чешская проблематика в Европе приобретает несколько другое звучание, по мнению «Русской мысли», в странах Запада общественность имели расплывчатые представления о чехах и чешских землях, относясь к ним как к этнографической реликвии. Неслучайно альманах приводит пример, когда парижский муниципалитет, обращаясь к своим коллегам в Праге, делал реверансы в адрес «чудного мадьярского языка», на котором разговаривали жители Богемии. По мнению издания, такое отношение к чехам не заслужено в виду их многочисленности, высокого уровня культуры и экономического развития. Следует отметить, что альманах к чехам относил и словаков, полагая, что словаки отличаются от чехов только рядом особенностей произношения слов и не более того. Показателем мощи чехов являлась многочисленная чешская диаспора в США.

Но самым главным показателем успеха чешской нации и ее жизнеспособности было вытеснение немецкого начала из Богемии. В качестве доводов приводились примеры изменения этнического состава населения Праги и других богемских городов в пользу чехов, роста их политического веса в жизни Австро-Венгрии. Правда, здесь «Русская мысль» споткнулась на «еврейском факторе». Альманах отмечал, что евреи в первой половине XIX в. в массовом порядке относили себя к немцам, тем самым увеличивая численность немецкоговорящих жителей богемских городов, забывая, что в последней трети XIX в. евреи так же охотно записывались к чехам, что привело к резкому изменению этнического состава многих городов в пользу чехов. В своих рассуждениях «Русская мысль» невольно перенимает славянофильскую риторику о чешско-славянском клине, «вбитым в германское тело» [6, с. 132]. Следует подчеркнуть, что при всей полемике российских либералов со славянофильскими кругами страны они часто использовали фразеологию славянофилов при исследовании взаимоотношений славянских народов с германской цивилизацией.

Ответом немцев на рост влияния чехов и развитие их национальной культуры стало создание и культивирование негативного образа чеха, который через немецкую периодику и публицистику перекочевал на Запад. Немцы относили чехов к числу низших рас. Чехи выставлялись вороватыми и лжи-

выми людьми, в качестве аргументов немцы Богемии приводили бесконечное множество анекдотов о чехах. Чехам приписывались фанатизм, упрямство и ограниченность. По мнению немцев, чехи были не способны на творчество, они могли только подражать, поэтому из них получались хорошие дирижеры и плохие композиторы, замечательные учителя и неважные ученые, добросовестные чиновники и никудышные начальники. «Русская мысль», разумеется, отвергала этот образ чехов, отмечая их исторические и культурные достижения и формируя при этом негативное отношение к самим немцам, которые готовы были при каждом удобном случае «украсть» достижения чехов [6, с. 133].

С 70-х гг. XIX в. Франция начинает конструировать собственное представление о чехах, невзирая на рассуждения немецких интеллектуалов. Здесь немаловажную роль, по мнению «Русской мысли», сыграло поведение чехов во время франко-прусской войны, когда чешская общественность не скрывала своих симпатий к Франции. Важное значение в изменении отношения французов к чехам придало формирование франко-русского союза. Французская пресса начала внимательно следить за русофильскими и франкофильскими высказываниями народов, проживающих у потенциального противника – империи Габсбургов.

В начале XX в. во Франции вышла книга Ж. Вейля «Пангерманизм в Австрии», где содержалось интересное предисловие известного французского специалиста по странам Центрально-Восточной Европы А. Леруа-Болье. Это дало основание постоянному автору «Русской мысли» О. Рудченко представить развернутую рецензию на данное издание. Тем более, по большинству позиций взгляды рецензента совпадали с мнением Ж. Вейля. Все они сходились в одном: главным препятствием для воссоздания новой «Священной Римской империи» являются чехи и словенцы, которые никогда не согласятся на подчинение немцам, Чехия стала естественным барьером на пути пангерманизма на восток Европы [7, с. 72]. В то же время, по мнению Ж. Вейля, именно Богемия являлась родиной пангерманизма в Австрии. С одной стороны, это объяснялось близостью проживания судетских немцев с Пруссией (Германией). С другой стороны, пангерманизм мог возникнуть и развиваться в условиях постоянной борьбы. Богемия с ее извечным чешско-немецким конфликтом служила для этого хорошим полигоном. После поражения Австрии в войне с Пруссией в Богемии разворачивается новый виток борьбы между пангерманизмом и чехами. Результатом этой борьбы стал срыв реализации идеи триализма в начале 70-х гг., которая должна было увенчаться созданием Чешского королевства. По мнению Ж. Вейля, О. Рудченко, пангерманисты придумали удачный маневр – разделить Богемию на две части: чешскую и немецкую, конечной целью этих манипуляций стало бы вхождение немецкой Богемии в состав Германии [7, с. 94]. Это было бы концом многовековой истории Королевства Св. Вацлава и первой крупной победой пангерманизма над чехами в современной истории.

В 1902 г. в парламенте Франции звучали заявления депутата А. Белера о том, что чехи как и славяне в целом не представляют угрозы целостности империи Габсбургов, угроза империи исходит от немцев Богемии и итальянцев, проживающих в районах, примыкающих к границам Италии [3, с. 224]. Издание полностью солидаризировалось с данными рассуждениями французского политика.

И все же несмотря на эти подвижки, общественность Франции, по мнению «Русской мысли», очень мало знала о чехах, в других странах Европы положение дел в этом вопросе было еще хуже.

Роль культуры в формировании чешской нации

Рассуждения «Русской мысли» о современном положении чехов не обходились без исторических экскурсов. По мнению издания, в начале XIX в. чешская общественная и культурная жизнь находилась в печальном состоянии. Аристократия и буржуазия полностью «онемечились», немецкий язык вытеснил чешский из интеллектуального и политического пространства Богемии. «Немцы опирались на более высокую культуру, на более богатую литературу, на более могущественные организации. Чехи еще только начинали пробуждаться к сознательной культурной жизни, их литература была более чем бедна, а организации только зарождались», – так оценивалась культурная жизнь немцев и чехов в первой половине XIX в. в одном из номеров «Русской мысли» [3, с. 77]. Главная задача национального возрождения чехов, на взгляд альманаха, заключалась в осознании того, что германизм и цивилизация не являются синонимами. Ситуация осложнялась еще тем, что чехи в отличие от поляков или венгров практически полностью потеряли национальное самосознание. И только отсталое чешское крестьянство сохраняло остатки национальной культуры и знание чешского языка. Пробуждение интеллигенции и национальное воодушевление крестьянства с середины XIX в. возро-

дили чешскую нацию. Более того, Чехия становится оплотом славянской культуры в империи Габсбургов [6, с. 133]. Воплощением этого стала деятельность Пражского чешского университета.

В 1883 г. в одном из своих номеров «Русская мысль» поместила материал, посвященный истории создания Пражского университета и его развитию в XIX в. По мнению издания, невозможно было бы говорить об успешном национальном возрождении чешского народа и его культурных традиций без создания чешского университета. К 60-м гг. XIX в. собственные университеты имели венгры, поляки, хорваты, чехи в данном вопросе были незаслуженно забыты правящей элитой. «Русская мысль» выделяла несколько причин нежелания Вены идти на создание чешского университета. Первая причина – это попытка затормозить национальное возрождение чехов. Вторая – боязнь немецкой части профессуры Пражского университета потерять часть своих доходов [5, с. 137]. Конечно, об этом немецкая профессура прямо не говорила, все скрывалось под благоверными рассуждениями о том, что в случае раздела университета по национальному признаку наука и организация учебного процесса сильно пострадают. Однако истинный смысл, на взгляд альманаха, заключался в том, что профессура в Австрии получала наравне с заработной платой деньги от студентов за прочитанные лекции, и зачастую они превышали размер заработной платы. Поэтому в случае раздела университета немецкая профессура теряла значительную часть своих доходов [5, с. 137–138]. Третья причина заключалась в том, что «...многие профессора были выписаны из Немечины, и во все не скрываются с своими прусскими симпатиями; они как истинные немецкие патриоты считали чешские земли неминуемой добычей воображаемой ими в будущем Германии» [5, с. 138].

«Русская мысль», анализируя борьбу вокруг создания чешского университета, вновь отмечала расистские рассуждения немецкой интеллектуальной элиты о чехах как о второсортном народе, у которого нет науки и, следовательно, ему не нужен университет. На заседании австрийского Рейхсрата защитники немецкого университета вспомнили «Голгофу» немецких студентов и профессоров, пострадавших от действий Яна Гуса, предсказывая повторение данных событий, но уже в XIX в.

«Русская мысль» сожалела, что не удалось сохранить единство Пражского университета, полагая, что в данном плане чехи сделали все зависящее от них, и что чехи готовы были пойти на компромиссы с немцами. Но непримиримая позиция немцев не позволила реализовать этот проект на практике: «Как везде, так и здесь обнаружился известный характер немцев, которые, живя посреди чужих народов, всегда стремятся только к исключительному, привилегированному положению; если же они не могут его сохранить, то вполне изолируются или даже выселяются» [5, с. 142]. Однако, разделив университет, немцы оказались в более привилегированном положении, так как в расчете на одного студента они получали больше средств от правительства, чем чешский университет [3, с. 306].

По мнению «Русской мысли», реальная жизнь подтвердила правомерность требований чешского народа на создание собственного университета. И в данном случае альманах проводит ряд сравнений, которые должны были подтвердить его правоту. Чешские студенты оказались трудолюбивыми и талантливыми, а немецкие студенты являлись завсегдаемыми пивных и других пьяных сборищ. Чешские профессора прилежно работали со студентами в аудиториях и в научных кружках, а немецкая профессура в пивных спичах подогрела буйство пьяного немецкого студенчества [5, с. 145]. Следует подчеркнуть, что в данном случае альманах в попытках доказать правоту чехов и защитить их интересы скатывается к огульным националистическим рассуждениям, за что сам не раз критиковал немецких политиков и интеллектуалов за аналогичные высказывания по поводу чехов. Многие русские либералы в конце XIX в. были увлечены идеями борьбы славянства и германизма, разделяя народы на «хорошие» и «плохие», не скрывая, как уже отмечалось, своего призрения к германскому миру. Вся история с созданием чешского университета непременно рассматривалась как очередной клин, вбитый в основы германизма.

Особенно характерным моментом в борьбе чехов за свою национальную идентичность стало пристальное внимание чешского общества к развитию собственной национальной системы образования. Именно чешская школа стала активно формировать новую генерацию молодежи, полностью воспитанную в национальном духе. И это был решающий успех чешского национального возрождения и источник для бурного развития чешской национальной культуры. Чешская система образования рассматривалась как эталон, с которым сравнивали положение дел с образованием в других славянских регионах империи Габсбургов [10, с. 134–135].

В августе и октябре 1897 г. «Русская мысль» опубликовала большой материал, посвященный истории развития школьного образования у чехов, показывая глубокие традиции становления высо-

кой педагогической культуры в чешских землях, которые повлияли на становление образовательного пространства всей империи Габсбургов. С середины XIX в., по мнению издания, чешская школа вступает в период своего расцвета: «Новая, блестящая эпоха для чешской народной школы настала с воцарением императора Франца-Иосифа» [11, с. 140]. В эпоху реформ 60–70-х гг. в чешских землях создается четкая организационная образовательная структура, что оптимизировало управление и финансирование учебных заведений. Результатом этого процесса стало резкое увеличение количества чешских школ и существенное улучшение в них качества образования.

Правда, в этом направлении также чувствовалась дискриминация чехов. Богемия выделяла в расчете на одного человека больше средств на немецкие школы по сравнению с чешскими. Альманах обратил внимание на призрение и нежелание немецкими школьниками изучать чешский язык, в то время как чешские школьники изучали немецкий язык с большим рвением.

Проблемой несколько иного плана в развитии чешского образования стали пропуски детьми занятий в школе в связи с их привлечением к хозяйственной деятельности и работе по дому. По данным альманаха, в 1893 г. родители за пропуски детьми школ по неуважительной причине подвергались аресту 43272 раза, заплатив штраф в 15500 гульденов. Однако здесь была своя положительная динамика, и в 1895 г. число арестов сокращается до 35577 раз, а сумма штрафов – до 14622 гульденов [11, с. 157]. Многие чешские учителя и общественные деятели призывали ужесточить наказание нерадивых родителей, так как во многих округах Богемии от 10 до 20 % детей систематически пропускали школы по неуважительным причинам. Тем не менее, статистика свидетельствовала не только об эффективности репрессивных мер: сами родители начинали понимать, что образование является необходимой основой для успешного будущего их детей.

Еще одной проблемой чешских школ являлось несовершенство учебных планов, их перегруженность ненужными дисциплинами (по заявлениям самих представителей чешского образования), некорректность содержания многих дисциплин. Учебные планы должны были в большей степени соответствовать практическим целям и формировать у учащихся национальный дух [11, с. 174–175]. Одними из лучших в Европе, по мнению издания, были чешские гимназии, промышленные, коммерческие школы и другие средние специальные учебные заведения [11, с. 72].

Все успехи чешского национального образования были бы невозможно без общего культурного оживления всей нации. Органы государственной власти, общины, банки, промышленные предприятия, торговые палаты чешских земель принимали активное участие в развитии национальной системы образования [11, с. 82]. В этом направлении важную роль играла чешская интеллектуальная элита. Особое место в данном процессе занимали чешские учителя, которые не только занимались учебным процессом, они проводили активную просветительскую работу среди всех слоев чешского общества. Отражением этих тенденций стал рост количества библиотек в Богемии и в других чешских землях, открытие национальных музеев и появление активного интереса у чехов к национальной истории.

Историческая память и политические амбиции чехов

Национальное пробуждение чехов актуализировало их интерес к своему историческому прошлому. Предания о средневековом королевстве Св. Вацлава из области исторического раритета переходят в разряд политической программы действий, конечной целью которой являлось воссоздание Чешского королевства в его исторических границах в рамках империи Габсбургов. Однако на пути реализации этой доктрины находились интересы венгерской элиты, стремившейся во что бы то ни стало сохранить в неизменности систему дуализма и сопротивление немцев Богемии, добивавшихся разделения Богемии на две половины (немецкую и чешскую). Это не стыковалось с историческими и политическими представлениями чехов, не соглашавшихся с разделом исторической Чехии. Историческая память чехов не принимала существования усеченной Богемии. В пользу сохранения исторических границ Чехии, на взгляд издания, говорил географический фактор, окружающие Чешское королевство горы служили естественными границами между славянством и германизмом. По мнению «Русской мысли», идеальной моделью было сосуществование чехов и немцев в рамках единой Богемии на основе равноправия и уважения интересов друг друга. Но этому мешала культурная ксенофобия немцев, их отношение к чехам как второсортной расе и политические амбиции пангерманских кругов [6, с. 135].

В то же время восхищение достижениями чешского народа и его культурным уровнем не мешали «Русской мысли» высказывать и некоторые критические нотки в адрес национального движения чехов. В частности, в 1897 г. альманах осуждал погромы немецких и еврейских домов в Праге.

Правда, при этом альманах умалчивал, что данные погромы производили чехи, хотя из общего контекста материала это было вполне очевидно. Стремясь как-то оправдать чехов, «Русская мысль» отмечала, что эти действия погромщиков были спровоцированы немецкими выходками в Рейхсрате Австрии и беспорядками, произошедшими на улицах Вены [4, с. 176]. Издание не поддерживало позиции крайних чешских радикалов, опасаясь, что в Чехии немцы и чехи могут поменяться ролями, в результате чего чехи станут угнетателями, а немцы угнетенными [2, с. 225].

«Русская мысль» отмечала, что чехи, несмотря на свой огромный культурный, политический и экономический потенциал, еще не заняли достойное место в империи Габсбургов: «...много других обстоятельств (возрождение чешской культуры, развитие системы образования, рост национального самосознания – *прим. И. К.*) дали возможность чешскому народу возродиться, окрепнуть и стать в ряд культурных народов и успешно бороться за свое политическое существование, хотя и в настоящее время ему еще не удалось добиться того политического веса и значения в числе австрийских народов, которое он должен занимать по своему культурному, численному и экономическому значению для разноплеменной империи» [11, с. 149]. Идеальным вариантом для развития чешского народа и всей империи Габсбургов стала реализация доктрины триализма и предоставление Королевству Св. Вацлава таких прав, какие получила Венгрия в 1867 г., но наиболее оптимальным вариантом стала федерализация всей Дунайской империи в целом. Это являлось лучшей гарантией соблюдения территориальной целостности и исторических прав Чехии [10, с. 131].

Таким образом, «Русская мысль» в конце XIX – начале XX вв. формирует положительный образ чеха, активно борющегося за свои национальные права, опираясь на высокий уровень культуры нации, добивающегося на данном поприще значительных успехов. Все экономические, политические достижения чешского народа были бы невозможны без бережного отношения к своему историческому и культурному наследию. Чешский опыт представлял значительный интерес для либеральной России, стремившейся в культурном возрождении россиян найти ориентиры для социально-экономической и политической модернизации российского общества. Пример был весьма поучителен, так как чехи смогли избежать германизации и стать «передовым отрядом» славянства в его борьбе с пангерманизмом.

Литературни источники

1. Глебов А. Профессиональное рабочее движение и национальные противоречия. Письмо из Австрии // Русская мысль. 1910. № 10.
2. Иностранное обозрение // Русская мысль. 1897. № 10.
3. Иностранное обозрение // Русская мысль. 1902. № 11.
4. Иностранное обозрение // Русская мысль. 1897. № 12.
5. Мишла Письмо из Праги. Пражский университет // Русская мысль. 1883. № 10.
6. Мнение француза о чехах // Русская мысль. 1893. № 6.
7. Рудченко О. Пангерманизм и возможности его осуществления // Русская мысль. 1906. № 10.
10. Стахович А. По южным славянским странам // Русская мысль. 1908. № 11.
11. Яреш Ф. Школьное дело у чехов // Русская мысль. 1897. № 8.